

Елена Усачева

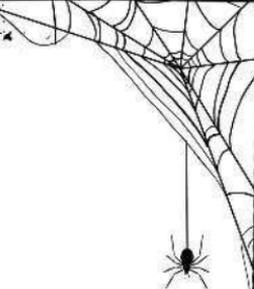
ПРИЗРАК
ИВАНА
ГРОЗНОГО

Глава Первая
ШАБАШ ВЕДЬМ
В УЧИТЕЛЬСКОЙ

В темноте школа выглядела неуютно. На нее и утром-то не очень приятно смотреть, а ночью, оказывается, и подавно.

Колька Мишкин стоял у забора, глядя в черноту за ним, и старался не дышать. Под ногой оглушительно на фоне окружающей тишины хрустнула ветка. Внутри у него все оборвалось, сердце ухнуло в пятки, в ушах что-то гулко отдалось, и ладони вспотели.

Но на треск никто не отозвался — не примчался разъяренный сторож с дубинкой выяснять, что делает двенадцатилет-

ний мальчишка в два часа ночи перед школьным забором, не прибежали злые собаки, чтобы растерзать припозднившегося ученика... Потому что все нормальные дети в школу ходят утром, а не ночью. Ночью здесь делать нечего.

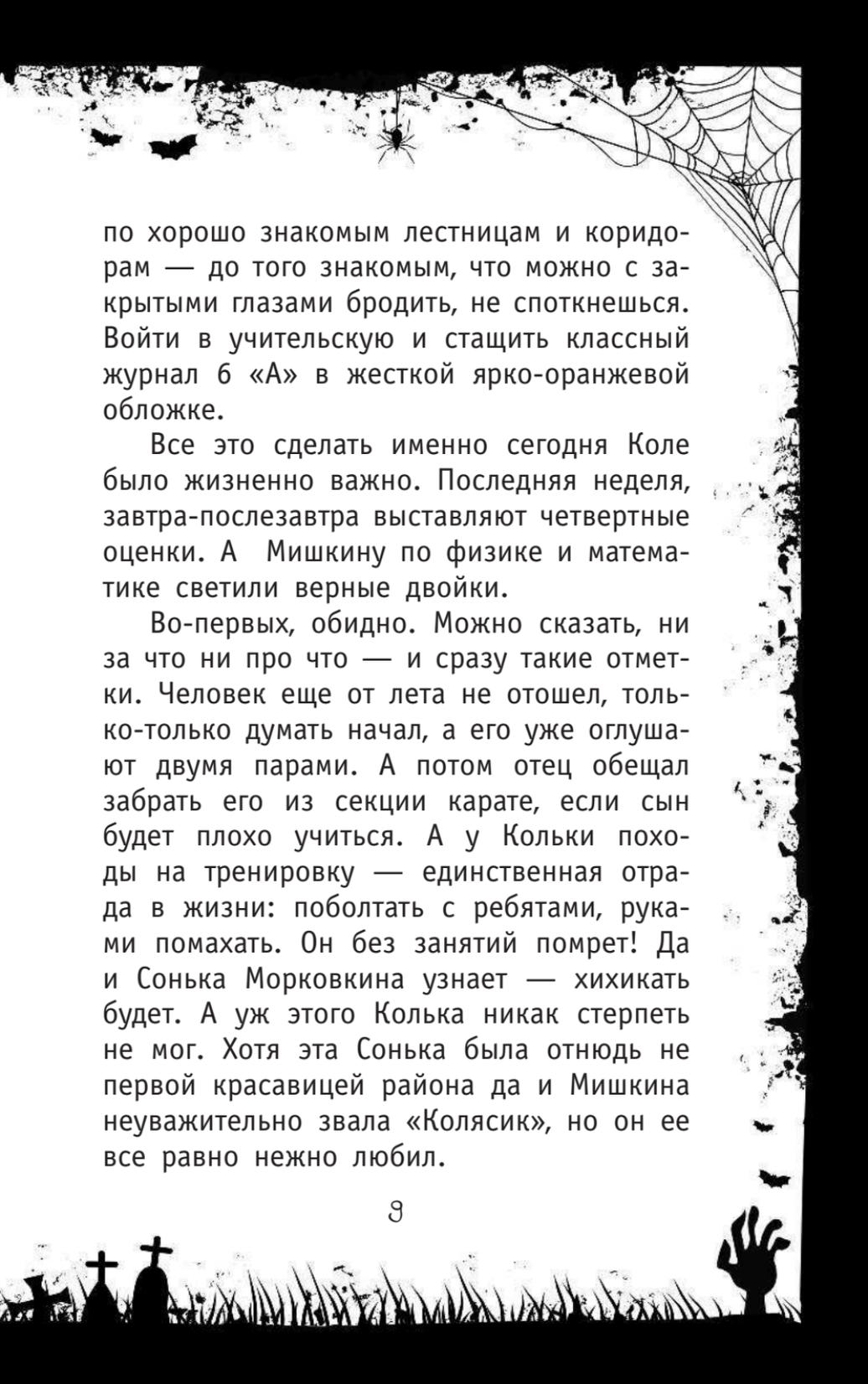
Хотя... Кому как...

По улице все так же проносились одинокие машины, из окна дома напротив долетала приглушенная музыка. А за забором стояла Колькина родная школа. В темных окнах желтыми бликами отражалась полная луна. Издалека казалось, будто кто-то ходит по мрачным коридорам с фонариком, и его неверный отсвет мелькает в стеклах.

Колька помотал головой, прогоняя навяждение.

Во как фантазия разыгралась! Еще немного так попредставлять, и вообще с места не сдвинешься.

А идти надо! Перелезть через забор — ворота уже давно заперты, это проверено. Пройти пустынный двор, забраться в окно раздевалки — еще вечером он его чуть приоткрытым оставил и шторой занавесил, чтобы никто не заметил. Пробежать

по хорошо знакомым лестницам и коридорам — до того знакомым, что можно с закрытыми глазами бродить, не споткнешься. Войти в учительскую и стащить классный журнал б «А» в жесткой ярко-оранжевой обложке.

Все это сделать именно сегодня Коле было жизненно важно. Последняя неделя, завтра-послезавтра выставляют четвертные оценки. А Мишкину по физике и математике светили верные двойки.

Во-первых, обидно. Можно сказать, ни за что ни про что — и сразу такие отметки. Человек еще от лета не отошел, только-только думать начал, а его уже оглушают двумя парами. А потом отец обещал забрать его из секции карате, если сын будет плохо учиться. А у Кольки походы на тренировку — единственная отрада в жизни: поболтать с ребятами, руками помахать. Он без занятий помрет! Да и Сонька Морковкина узнает — хихикать будет. А уж этого Колька никак стерпеть не мог. Хотя эта Сонька была отнюдь не первой красавицей района да и Мишкина неуважительно звала «Колясик», но он ее все равно нежно любил.

Отметки не должны портить жизнь человеку, решил Колька и отправился в опасный поход за журналом.

После пропажи вспоминать, кому что и когда поставили, не станут. А если и станут, то половину оценок в спешке потеряют. Вот Мишкин тройками и отделается.

Единственное, что сейчас сильно мешало, — луна. Уж очень она была яркая. Как прожектор. Весь двор виден как на ладони.

Коля так пристально вглядывался в окна школы, что у него зарябило в глазах. Ему показалось, что на третьем этаже, как раз там, где находится учительская, кто-то прошел и к стеклу на мгновение припечаталось мертвенно-бледное лицо.

— Надо было через задние ворота лезть, — вздохнул Мишкин.

Но тогда пришлось бы пробираться темным садом. А ползти через колючие кусты и месить новенькими ботинками грязь особенно не хотелось.

Колька два раза глубоко вздохнул и шагнул к забору. Ржавая сетка под ногой затрещала, неохотно прогибаясь под его тяжестью.

Мишкин спрыгнул на землю с другой стороны забора и помчался к крыльцу. Его невысокая крепкая фигурка хорошо была видна в ярком свете луны.

На его счастье окно никто не закрыл.

Колька толкнул жалобно скрипнувшую фрамугу, подтянулся, перекинул через подоконник свое тело, ставшее почему-то тяжелым и неповоротливым, и перевалился на кафельный пол первого этажа.

Прыжок гулким эхом отразился от пустых стен. Мишкин задержал дыхание. Но ничего кроме своего бешено колотящегося сердца не услышал.

Школа спала, и один запоздалый ученик разбудить ее был не в силах.

Колькины шаги прошуршали по ступенькам. Как только дошло до дела, страх из его головы выветрился. Теперь он действовал по принципу: вижу цель, не замечаю препятствий, все идет по плану!

На третьем этаже в первом кабинете справа из-под двери пробивалась тонкая полоска слабого света. Это было до того неожиданно, что Коля не испугался, а удивился.

Он коснулся двери рукой, увеличивая щель. Дверь, как будто смазанная маслом, легко и бесшумно распахнулась.

В классе горело несколько свечей... Нет, не свечей. Свет давали трухлявые головешки. Спinoй к входу сидело множество фигур.

Со значительным опозданием дверь скрипнула, раздался сильный удар об стену.

Все фигуры одновременно повернулись.

То ли от испуга, то ли от полумрака, но Колька не сразу смог разглядеть сидящих. Сначала ему показалось, что перед ним мертвецы с вытянутыми зеленовато-синими лицами, с отстающими кусками кожи, с полувытекшими глазами и отвалившимися челюстями.

Мишкин попятился, на всякий случай протирая глаза кулаком.

Надо же такому померещиться!

По проходу к нему двинулась фигура, и стало ясно, что со зрением у Кольки все в порядке. Это был их учитель истории Николай Сигизмундович, в своей неизменной джинсовой курточке. Но из рукавов этой

куртки торчали не руки, а скрюченные почерневшие птичьи лапы. Да и само лицо у него было очень похоже на совиную голову: серое, сморщенное, с маленьким носом-клювиком и огромными глазами на выкате.

Темная лапка потянулась в сторону Мишкина. Тот зажмурился, втягивая голову в плечи.

Дверь захлопнулась перед его носом, сквозняк обдул мгновенно вспотевшее лицо.

Несколько секунд Колька тупо изучал потрескавшуюся краску на косяке прямо перед собой. Наконец он вспомнил про журнал и на негнущихся ногах двинулся в сторону учительской. О том, что сию секунду у него на глазах произошло, он думать просто не мог.

Дверь в учительскую оказалась закрытой. Такого препятствия Колька не ожидал. Он затравленно оглянулся, лихорадочно соображая, как лучше поступить.

— Чего замер? — прохрипели у него за спиной. — Толкай сильнее.

Перед его глазами мелькнула все та же морщинистая птичья лапка, и дверь распахнулась.

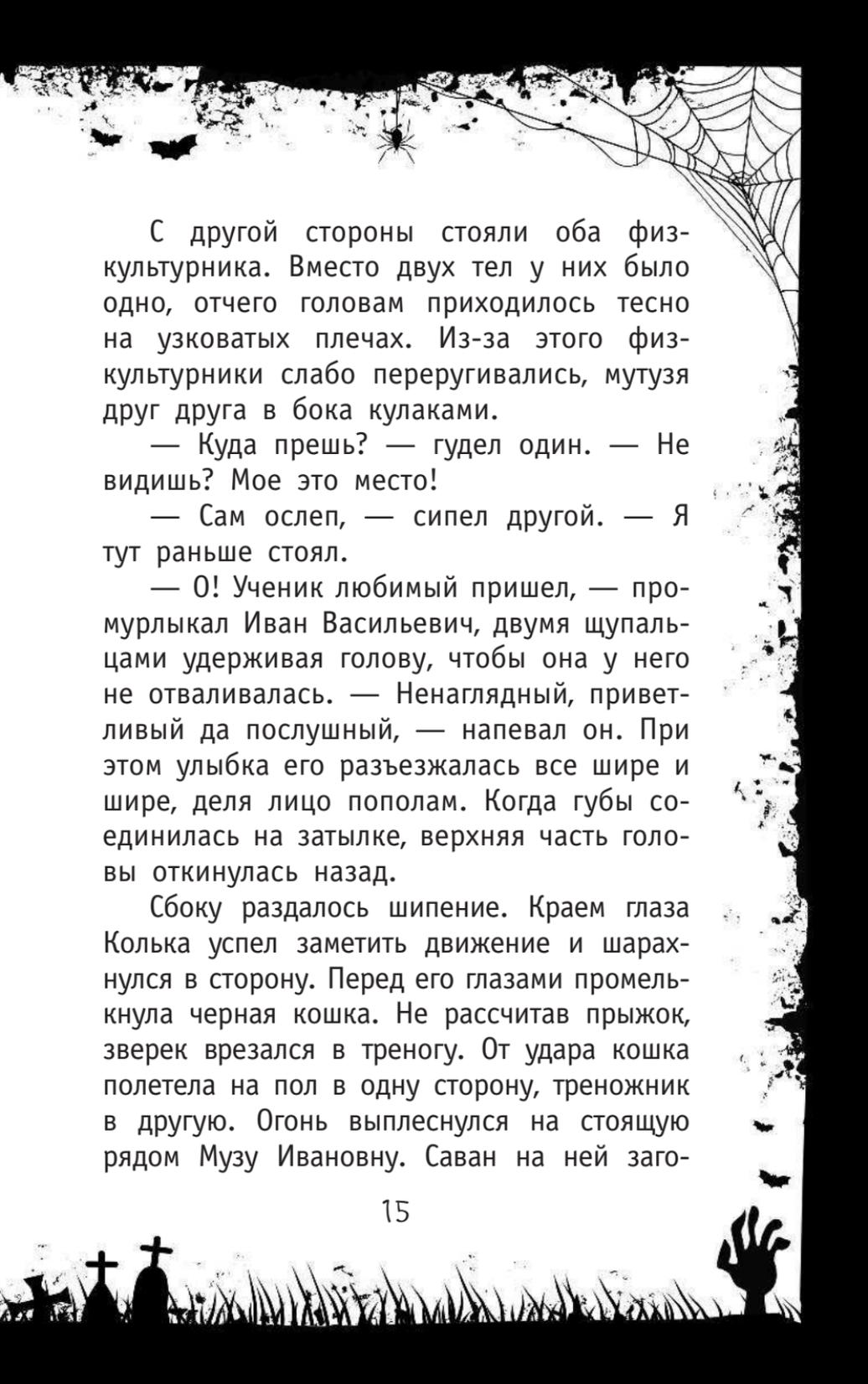

В учительской горел свет. В трех огромных треножниках полыхали костры. В их дерганом свете хорошо были видны несколько развалившихся в креслах фигур.

За своим столом сидел директор Иван Васильевич. Он приветливо улыбался, время от времени откидывая голову назад. При этом голова с легким хлопком отрывалась от шеи, делала несколько оборотов и возвращалась обратно на плечи. Вместо рук у него были шевелящиеся щупальца. Ими он ловко тасовал колоду карт, потрепанную и засаленную. За его спиной виднелся длинный посох с железным круглым набалдашником.

Рядом восседала физичка Ольга Ароновна. Из рта у нее торчал один корявый зуб, длинный нос крючком загибался к верхней губе, левый глаз прикрывало уродливое бельмо. Математичка Муза Ивановна, кутаясь в серый порванный саван, протягивала белесые руки прямо к огню треножника.

— Холодно мне, — тянула она. — Холодно. Дайте мне кровушки согреться! Дайте мясца человеческого полакомиться! Холодно мне!

С другой стороны стояли оба физкультурника. Вместо двух тел у них было одно, отчего головам приходилось тесно на узковатых плечах. Из-за этого физкультурники слабо переругивались, мутузя друг друга в бока кулаками.

— Куда прешь? — гудел один. — Не видишь? Мое это место!

— Сам ослеп, — сипел другой. — Я тут раньше стоял.

— О! Ученик любимый пришел, — промурлыкал Иван Васильевич, двумя щупальцами удерживая голову, чтобы она у него не отваливалась. — Ненаглядный, приветливый да послушный, — напевал он. При этом улыбка его разъезжалась все шире и шире, деля лицо пополам. Когда губы соединилась на затылке, верхняя часть головы откинулась назад.

Сбоку раздалось шипение. Краем глаза Колька успел заметить движение и шарахнулся в сторону. Перед его глазами промелькнула черная кошка. Не рассчитав прыжок, зверек врезался в треногу. От удара кошка полетела на пол в одну сторону, треножник в другую. Огонь выплеснулся на стоящую рядом Музу Ивановну. Саван на ней заго-